

1

ВЫСОКАЯ БАШНЯ

Кто же не любит старой доброй казни? Ни один житель Шрама, от суверенной Катамы и до самых дальних границ Революции, не нашел бы зрелища лучше, чем разлетающиеся по камням ошметки отступников. И в тот день за стенами Революционной Высокой Башни накал в воздухе чувствовали все.

Толпы людей стягивались поглазеть, как сметают месиво из грязи, еще влажной, которое осталось у столба после вчерашней казни. В стороне расположился расстрельный отряд — шлифовали штыки и делали ставки, кто попадет точно в сердце несчастного придурка, обреченного сегодня на смерть. Неподалеку перекрикивали друг друга торговцы, продававшие всякую всячину, от еды с питьем до памятных вещиц о дне, когда все ушли с работы пораньше — увидеть, как очередного врага Революции вздернут у столба.

В последнее время в стенах Высокой Башни делать было особо нечего.

Военный губернатор Третта Суровая пыталась игнорировать толпы под окном тюрьмы, кровожадные вопли, рев детей и смех мужчин. Она сосредоточилась на отражении в зеркале и поправила синюю военную форму. Горожанам можно простить столь малодушную жестокость. Офицерам Революции надлежало быть выше.

Подобающая прическа: черные волосы, остриженные безжалостно коротко и приглаженные к голове. Плотно стянутый мундир, отутюженные брюки, перехваченные ремнем,

сабля у бедра — ни пылинки, ни ворсинки, ни следа ржавчины. И, самое главное, из зеркала смотрело решительное лицо человека, без колебания уложившего в могилу сотню врагов.

Наверное, странно было так наряжаться для казни. Шваль, которую через шесть часов кое-как прикопают, вряд ли это оценит. Однако офицеру Революции надлежало держаться принципов. И Третта получила звание отнюдь не за расхлябанность.

Она поправила на лацкане ордена — и лишь затем покинула свое жилище. Двое караульных отчеканили приветствие, вскинули штык-ружья на плечи и двинулись следом, держась ровно в трех шагах позади. В лучах утреннего солнца, проникавших сквозь окна, они промаршировали вниз по ступенькам к Ставке Командования. При приближении Третты часовые и офицеры вытягивались в струнку и вскидывали руки. Третта, продолжая путь, коротко кивала в ответ, мол, «вольно».

Солдат, дежуривший у дальней двери, поднял взгляд.

— Воен-губернатор, — обратился он, отдавая честь.

— Сержант, — отозвалась Третта. — Как пленница?

— Строптивая, дерзостна. Начала утро с того, что швырнула выданную ей кашу в охранника, изрыгнула несколько непристойностей и резко высказалась как о профессиональном, так и о личном поведении его матери. — Сержант фыркнул, скривив губы. — В общем и целом, обычное поведение скитальца.

Военный губернатор не впечатлилась — могло быть и хуже, — а затем отдала приказ коротким жестом. Караульный без лишних слов отпер замок и толкнул массивную железную дверь. Третта со своим эскортом спустилась во мрак тюрьмы Высокой Башни. Их встретило безмолвие пустых камер.

Высокую Башню, как и другие революционные форпосты, возвели для заточения имперских захватчиков, противников революции, бандитов и даже случайных скитальцев. Но, в отличие от прочих форпостов, она располагалась слишком далеко от сражений, а потому камеры зарастали паутиной за ненадобностью. Пленников, осужденных за

преступления против Революции, отправляли на казнь довольно быстро — ибо без развлечений среди горожан поднимались волнения.

С тех пор, как Третта прибыла в Высокую Башню, она спускалась в казематы лишь дважды, сегодня — второй раз. Первый был, чтобы предложить имперскому шпиону, выдававшему себя за бандита, помилование в обмен на сведения. Тридцать минут спустя она выставила его перед расстрельной командой. И считалось, что он пробыл под стражей дольше всех.

Нынешняя заключенная уже побила его рекорд на два дня.

Допросная располагалась в самом конце коридора, в который выходили камеры, за очередной железной дверью, под охраной двух солдат. Отсалютовав, они толкнули тяжелую створку. Скрипнули петли.

Двадцать на двадцать футов, ничего, кроме стола и пары стульев — допросная отличалась от камеры разве что чуть большим размером и дверью поприличней. Вдобавок там царил духота: узенькое окошко под потолком, куда едва проникал свет, почти не пропускало и воздух.

Но пленницу, кажется, это не угнетало.

У стола сидела женщина лет тридцати, как показалось Третте, не больше. Грязные штаны и ботинки, белая рубаша с обрезанными рукавами и подолом — были видны змеящиеся по предплечьям татуировки и внушительный шрам от ключицы до живота. Безвкусное одеяние, как у любого встречного скитальца. Белые, как у жителя Империиума, волосы неаккуратно срезаны на висках и стянуты на затылке в небрежный хвост. И, невзирая на удушающую жару, пленница казалась спокойной, даже безмятежной, и бледной, как лед.

Все это Третта презирала.

Когда военный губернатор вошла, эта женщина не подняла взгляда, не обратила внимания и на вооруженных мужчин. Ее скованные руки мирно лежали на столе. Даже когда Третта заняла место напротив, заключенная словно ничего не заметила. Глаза ее, голубые и прозрачные, как вода на отмели, смотрели будто мимо. На лице, худощавом

и заостренном, обезображенном длинным шрамом над правым глазом, не отражалось ни следа страха перед неизбежной, чудовищной смертью.

И это раздражало Третту куда больше, чем она была готова признать.

Военный губернатор подалась ближе и сцепила пальцы перед собой, давая заключенной понять, среди какого дерьма та оказалась. После минутной тишины Третта протянула руку в сторону. Спустя мгновение сопровождающий вложил ей в ладонь стопку бумаг. Опустив их на стол, военный губернатор лениво перелистнула несколько страниц.

— Не стану говорить, что ты можешь спастись, — произнесла она наконец. — Офицер Революции никогда не лжет. — Третта подняла взгляд на женщину, которая никак не отреагировала. — Через шесть часов тебя казнят за преступления против Великой Революции Кулака и Пламени. Что бы ты ни сказала, этого не изменить. За свои деяния ты заслужила смерти. — Третта сощурилась. — И ты умрешь.

Женщина все-таки шелохнулась. Кандалы слегка лязгнули, она подняла руку и поскребла шрамы на лице.

Третта презрительно усмехнулась и продолжила:

— Но кое-что изменить ты можешь. То, как быстро все свершится. Революции не чуждо милосердие. — Военный губернатор нашла нужный лист и протянула его пленнице. — В обмен на сведения о событиях недели Масенов, с одиннадцатого по двадцатое, включая резню в поселении Старкова Блажь, уничтожение фригольда Нижеград и исчезновение младшего сержанта Революции Кэврика Гордого — я, от имени Ставки Командования, готова обещать тебе быструю и легкую смерть.

Она отложила документ и наклонилась ближе. Заключенная смотрела куда-то влево.

— Из-за тебя погибло много людей. Из-за тебя без вести пропал наш солдат. Прежде чем минуют эти шесть часов и тебя похоронят, случатся две вещи: я узнаю, что в точности произошло, и ты решишь, хочешь ли умереть от единственной пули или от сотни клинков. — Третта уперлась

ладонями в стол. — От того, что ты сейчас скажешь, зависит, сколько крови сегодня прольется на наших глазах. Подумай хорошенько.

Заключенная наконец взглянула ей в глаза. Без страха, все такая же спокойная, безмятежная.

— Можно мне, — проговорила она, и голос ее был слаб, — промочить горло?

Третта моргнула.

— Промочить горло.

Женщина с легкой улыбкой кивнула на свои скованные руки.

— Жарко.

Третта сощурилась, но все же сделала знак. Солдат выскользнул за дверь, через мгновение принес кувшин со стаканом, наполнил стакан и подтолкнул его пленнице. Та отхлебнула, причмокнула губами... и вдруг уставилась на стакан в руке.

— Что это за херь?

Третта нахмурилась.

— Вода. Что ж еще?

— А я-то надеялась на джин или вроде того.

— Ты просила воду.

— Я просила промочить горло, — парировала пленница. — Столько шороху о том, как вы меня будете убивать, что я уж подумала, дадите напоследок чего поприличнее. Что, даже последнюю просьбу не выполните?

Третта оскорбленно скривилась.

— *Нет.*

Пленница надула губы.

— В Катаме бы выполнили.

— А ты не в Катаме! — рывкнула Третта. — Ты далеко от Империиума, и вся имперская мразь на тысячи миль вокруг лежит по могилам, и ты отправишься туда же.

— Ага, это ты ясно дала понять, — легкомысленно отмахнулась заключенная. — Преступления против Революции, бла-бла-бла. Не то чтобы я обвиняла кого-то во лжи, мэм, но вы уверены, что поймали нужную девчонку? В Шраме полным-полно отродья, которое наверняка оскорбило вас сильнее меня.

— Я уверена, — Третта взялась за бумаги и перелистнула в начало. — Узник номер пятнадцать-пятнадцать-пять, также известная, — она уставилась на заключенную поверх документа, — как Сэл Какофония.

Сэл криво усмехнулась. А потом изобразила изящный поклон — насколько это было возможно, сидя в кандалах.

— Мэм.

— Настоящее имя неизвестно, место рождения неизвестно, где обитает — неизвестно, — продолжила зачитывать Третта. — Род деятельности: охотник за наживой.

— Предпочитаю «охотник за головами». Звучит эффективнее.

— Осужденная — как минимум — за убийства в двенадцати городах, поджоги в трех владениях, незаконное присвоение Реликвий Революции, ересь против Обитатели, мелкое воровство...

— В воровстве нет ничего мелкого. — Сэл протянула руку. — Дайте-ка взглянуть.

— ...богохульство, незаконное использование магии, похищение людей, вымогательство и так далее, и тому подобное. — Третта припечатала бумаги ладонью к столу. — Словом, все, что можно ожидать от типичного скитальца. И сомневаюсь, что по типичному скитальцу хоть кто-то станет лить слезы. Но в отличие от твоих братьев-подонков у тебя есть шанс сделать перед смертью доброе дело.

Третта стиснула зубы.

— Так что, — выплюнула она, — если за твоим именем, сколь бы фальшивым оно ни было, стоит хоть капля чести, ты расскажешь мне, что произошло. В Старковой Блажи, в Нижеграде и с моим солдатом, Кэврикком Гордым.

Сэл сжала губы и окинула военного губернатора ледяным взглядом. А затем напряженно застыла, и Третта повторила ее позу. Женщины не сводили друг с друга глаз, словно каждая ждала, что собеседница вот-вот выхватит клинок и нападет.

Впрочем, Третта чуть так и не поступила — но Сэл все же нарушила молчание.

— Много ли мертвых скитальцев довелось вам увидеть, мэм? — негромко спросила она.

— Много, — коротко ответила Третта.

— Что они говорили, когда умирали?

Третта сощурилась.

— По большей части сквернословили. Проклинали Империиум, проклинали удачу, которая свела их со мной, проклинали меня, ведь я отправляла их обратно в изрыгнувшую их преисподнюю.

— Думаю, никто не знает, с какими словами на губах умрет. — Сэл провела пальцем по шраму над глазом, глядя куда-то сквозь стены. — Но я знаю, что не стану проклинать. — Она цокнула языком. — Я расскажу, что вы хотите, мэм, о Нижеграде, о Кэврике, обо всем. Я выдам все, что вы пожелаете, а вы всадите мне пулю в лоб, или отрубите мне голову, или отдайте меня на растерзание птицам. Я не стану возражать. Попрошу лишь одного.

Третта, напрягшись, потянулась к сабле, а Сэл подалась ближе. И на ее лице отразилась усмешка, столь же острая, как клинок.

— Запомните мои последние слова.

Третта получила звание отнюдь не за то, что потакала пленникам, особенно таким гнусным, как скитальцы. Она достигла всего благодаря поддержке и уважению людей, которые салютовали ей каждое утро. А все потому, что ей не была безразлична их судьба.

И потому, ради них и Революции, которой она служила, Третта кивнула. А женщина-скиталец откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Все началось, — тихо произнесла она, — с последним дождем.

2

РИНОВА ЯМА

Если хочешь узнать, из чего сделан человек, нужны три вещи.

Первое — смотри, как он поступит, когда погода испортится.

В Катаме во время дождя неженки-имперцы толпятся под навесами своих кофейных и ждут, когда же маги разгонят тучи. Если в Обители идет снег, народ набивается в церковь и возносит хвалу своему Богу. А когда в Уэйлесс приходит жара, как известно, ее объясняют имперским заговором и клянутся бросить вдвое больше сил на Революцию.

А вот в Шраме? Когда грохочет и льет так, что по улицам ты плывешь и незаметно тонешь? Ну, просто-напросто запахи плащи поплотнее и шагают дальше.

Так я и сделала той самой ночью, когда влипла в эту заварушку.

Ринова Яма — как можно догадаться по названию — такой городок, где люди не слишком переживают из-за дождей. Жизнь в Шраме тяжела, и даже если молния сверкала так, что становилось светло как днем, небольшой конец света за окном никому особенно не мешал. И, когда улицы превращались в месиво, а крыши содрогались под натиском ливня, местные просто прятали лицо в воротник, сдвигали шляпу пониже и шли дальше по своим делам.

Прямо как я. Просто еще один бесформенный, беспольный силуэт под плащом и с палантином на голове. Никто не косился на мои белые волосы, не рассматривал, пытаюсь уга-

дать, что же скрывается под тканью, вообще не обращал на меня внимания. Им той ночью своего дерьма хватало.

Это меня вполне устраивало. Мне тоже было чем заняться. А для моих дел чем меньше любопытных глаз — тем лучше.

Окна каждого второго дома темнели, а вот в таверне — обшарпанной двухэтажной лачуге в центре городка — горел свет. Причем так ярко, что видны были грязь на стеклах, облупившаяся краска фасада и уродливая вывеска на скрипящих петлях: «Последняя надежда Ральпа».

Уместное название.

В этом я еще больше убедилась, когда распахнула дверь.

Стоя там, насквозь мокрая — у ботинок постепенно натекал небольшой океан, — я напоминала себе мертвую кошку, которую выволокли из нужника. *И все равно* выглядела, черт возьми, куда лучше обстановки этой таверны.

Восхитительный слой пыли доблестно пытался скрыть менее восхитительную щербатость столов и стульев общей залы. Подмостки, наверняка выдавшие массу паршивых выступлений, были окутаны полумраком; теперь там стоял одинокий вокафон, играющий мелодию, которая была на слуху разве что при жизни ее автора. В комнатах наверху когда-то явно обретались проститутки, если вообще существовали настолько невезучие, чтобы попасть в подобный город. Я бы назвала эту дыру склепом, если бы не посетители — правда, видок у них был такой, будто они просто нашли гробницу поуютнее.

Несколько подростков — два парня и девчонка — в дальнем углу потягивали пойло, какое они там могли себе позволить, и пялились в стол. Работяги, мелкая шпана, бьюсь об заклад, которая нанималась к местным жителям на грошовую работу за грошовую плату на грошовую выпивку. А за стойкой маячил крупный мужик в грязном шмотье, лениво протирая тряпкой единственный чистый стакан.

Я подошла, мужик отставил стакан. Судя по черным разводам на стекле — тряпкой здесь вытирали не только посуду.

Плевать. Все равно надолго не задержусь.

Ральп — по всей видимости, это был он — даже не стал спрашивать, что мне нужно. В Шраме в лучшем случае пред-

ложат выбор из пары бутылок. А если удача на твоей стороне, то ты не окажешься в местечке под названием Ринова Яма.

Мужик потянулся было к бочонку под стойкой, но замер, когда я кашлянула и предупреждающе взглянула на него. Кивнув, он достал бутылку виски — «Эвонин и сыновья», гласила черная этикетка — и уставился в ожидании отмашки. Кивнув, я бросила на стойку серебряный накл. Прежде чем налить, Ральп взял его в руки, убедился, что настоящий, и сунул в карман.

— Проездом? — спросил он скорее по привычке, чем из интереса.

— А что, здесь вообще кто-нибудь задерживается? — отозвалась я, глотнув горькую бурую жидкость.

— Только если наделают достаточно глупостей. — Ральп выразительно глянул на пьющих в углу ребят. — Твоя первая — зайти сюда. Дороги сейчас превратятся в месиво на долгие дни. Из города без птицы не выбраться.

— Птица-то есть, — усмехнулась я из-за стакана. — А я уж думала, лишняя монетка тебе в радость.

— От металла не откажусь. — Он окинул меня взглядом и вскинул бровь, словно вдруг понял, что под мокрым, вонючим плащом скрывается женщина. — Но если ты и правда хочешь меня порадовать...

— Знаешь что. — Я подняла палец. — Закончишь эту мысль — может, чутка и порадуешься. А оставишь при себе — зубы целы будут. — Я мило улыбнулась всеми своими шрамами. — Простое удовольствие, сэр, зато надолго.

Ральп снова оглядел меня, задумчиво потер подбородок и кивнул.

— М-да, дело говоришь.

— Но все же предложу не менее приятное. — Я бросила на стойку еще три накла. А когда Ральп за ними потянулся, добавила кое-что еще. — Если, конечно, ты порадуешь меня.

Я развернула лист и придвинула его к Ральпу. На желтой бумаге чернилами было намалевано лицо в ухмыляющейся оперной маске под всклокоченной копной волос. В изящной черной рамке внизу значилась внушительная сумма, а сверху шла надпись: «СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР».

— Ах ты ж сукин сын! — воскликнул Ральп, вскинув брови. — Ты ищешь *этого* сукина сына?!

Я поднесла палец к губам и мельком огляделась. Детишки, кажется, ничего не заметили, продолжая пялиться на бутылку.

— У сукина сына есть имя, — произнесла я. — Дайга Фантом. Что ты о нем знаешь?

С моей работенкой довольно быстро учишься читать по лицам. Лжец опознается с одного взгляда. Судя по морщинам вокруг глаз и рта, Ральп привык широко улыбаться. Значит, наверняка в свое время и прибреживал — скорее всего, самому себе.

Но не слишком преуспел в этом.

— Ничего, — ответил Ральп. — Слышал имя, да и все.

— Пряма-таки *и все*?

— Знаю, что какое бы богатство за его голову ни предлагали, оно того не стоит, — выразительно посмотрел на меня Ральп.

Я оглянулась. И не менее выразительно сдвинула плащ так, чтобы блеснуть эфесом клинка у бедра.

— Хочу у него кое-что забрать.

— Надеюсь, что найдешь для этого дельца кого еще. — Ральп поискал, чем бы занять руки, в конце концов выбрал очередной грязный стакан из кучи и принялся его натирать. — Не знаю ничего о магах, не говоря уже о скитальцах вроде этого... мужика. Это все байки, которые травят в тавернах. А у меня давным-давно уже некому их слушать. — Он фыркнул. — Но, эм, я не уверен, что вообще заметил бы такого в наших краях.

— Дерьмо птичье. — Я наклонилась ближе, зашипев сквозь зубы. — Я здесь уже три дня, и самое занятное, что увидела, — как старик уличал свою бутылку вина в распутстве.

— Он не в...

— А прежде чем заглянуть на огонек, я обошла твой кабак и увидела кое-что. — Я сощурилась. — Многовато ящиков с вином для полупустой таверны. Куда отправляешь?

Ральп усталился на стойку.

— Не знаю. Но если ты сейчас не уберешься, позову примирителей и...

— Ральп, — нахмурилась я. — Будет грустно, если придется из-за столь жалкой лжи прищемить тебе хвост.

— Сказал же — не знаю, — пробормотал он. — Их забирают другие.

— Кто? Для чего это Дайге?

— И тут понятия не имею. Стараюсь вообще ни хера не знать об этом выродке или ему подобных. — Его притворство сменилось подлинным страхом. — Не хочу ничего слышать ни о каких магах, скитальцах и прочих. Вредно для здоровья.

— Но, как посмотрю, металл из его рук все же берешь.

— Из твоих тоже. Если в других концах Шрама золото рекой хлещет, то Ринова Яма высохла, как лежалое птичье дерьмо. Если скиталец дает денег, чтоб вопросов не задавали, я охереть как счастлив.

— М-да?

Я сдвинула другую полу плаща, приоткрывая рукоять оружия совсем иного рода. Резное дерево, гладкое, черное, как воплощение греха, ни царапины, ни скола. Бронза мерцала так, будто сама просилась в руку.

Я буквально бедром чувствовала, как револьвер горит, умоляя дать ему волю.

— А знаешь, я тоже не люблю вопросыки, Ральп. Что думаешь, как поступим?

Ральп взмок. Он облизнул губы, бешеными глазами уставился на мой ствол, а потом поднял взгляд на самую мерзкую из моих ухмылок.

Не поймите меня неправильно, не то чтобы мне особенно было по душе нечто столь банальное, как размахивание револьвером. Выглядит ужасно пафосно, причем не в хорошем смысле. Но поверьте уж: я-то думала, все пройдет гладенько. Так что ничего поумнее не подготовила. И — если начистоту — конкретно этот малыш чертовски умел убеждать.

Так что беспокоиться я не собиралась.

Позади щелкнул курок. К моей шее прижался холодный металл.

— Есть мыслишки, — проворчал кто-то.

А вот теперь стоило беспокоиться.

Ральф попятился от стойки — хотя наклады, которые я там оставила, все-таки успел сгрести, говнюк, — и удрал в подсобку. Я прижала ладони к столешнице, застыв неподвижно, словно статуя.

— Фантом не любит, когда о нем разнюхивают. — Голос мужской. Юный. Это я поняла, даже если бы он не тыкал в меня оружием, как будто кое-чем другим. — Мол, невежливо это. И я вот с ним согласен.

— Я тоже. Должно быть, грубо так вот стоять к тебе спиной. — Я говорила медленно, спокойно. — Так что сейчас повернусь.

— Н-нет! — Его голос дрогнул. — Не смей.

Но я, в общем-то, уже посмела. И сдвинула палантин с головы, сжав губы и изобразив на лице самую безмятежность.

Не то чтобы меня эта безмятежность действительно переполняла, знаете ли. Сердце колотилось о ребра; сколько бы тебе в лицо дулом ни тыкали, каждый раз — почти как в первый. Впрочем, у меня подобных okazji случалось достаточно, чтобы кое-что усвоить. Во-первых, когда металл упирается в голову, ты чувствуешь, что ручки-то подрагивают. Во-вторых, по звуку можно понять, насколько сильно взведен курок.

И в-третьих: если тебя собираются прикончить, лучше заставить стрелка смотреть тебе в глаза.

Развернувшись, я узнала пацана из-за стола — на меня пялился растрепанный паршивец с еще по-детски мягкими, но уже прыщавыми щеками. На уровне моего лица он держал ручницу. Позади обнаружили еще один пацан и девчонка, державшие автострелы наперевес с таким видом, будто умели ими пользоваться.

Слишком добротное оружие для этой дыры, прикидывающейся городком. Неслыханная штука — увидеть в такой глуши снаряжение, которое работает на севереуме. Правда, добротное оружие не сделает тебя хорошим бойцом. Я видела, как детишки нервно метали взгляды, как тряслись у них ручки, слишком маленькие для тяжелой стали.

— Ты юн, — заметила я.

— Ну?.. И чо? — поинтересовался пацан.

— Скитальцы не берут к себе таких неженков. Дайга, должно быть, в отчаянии.

— Фантом не в отчаянии! — Парнишка попытался изобразить уверенность, но голосок предательски дрогнул. — Он просто скрывается. Он скоро выберется из этой вонищей дыры и заберет нас с собой.

— Ага, — рыкнула девчонка из-за спины парнишки. — Он покажет нам магию, научит быть магами. Мы даже ограбили имперский караван вместе с ним! Добыча была...

— Уверена, он был впечатлен. — Не отрывая взгляда от глаз пацана, стоящего передо мной, я указала на бочку. — Иначе зачем же он дал вам важнейшее поручение — забирать для него вино?

— Заткнись! — взвизгнул парнишка. — Заткни, блядь, пасть! Фантом...

— Дайга, — поправила я.

— Фантом сказал валить всех, кто о нем будет разнюхивать. Любого имперца или... или... революционера или...

— Малыш, — перебила я. — Я не имперка и не революционерка. Дайга — не герой, который вытащит вас отсюда. — Я смотрела пацану в глаза, не моргая. — А ты — не убийца.

Его ладони дрогнули, мышцы парня уставали от тяжести. Он задрал ручницу повыше.

— Положение у вас тут дрянное, — заметила я. — Понимаю. Но если спустишь курок — лучше-то не станет. — Я вздохнула. — Убери.

Второе, что нужно, если хочешь узнать, из чего сделан человек, — вложить в его руки оружие.

Если у человека есть хоть капля разума, он это оружие мигом уберет. Если тебе везет как утопленнику — будет держать его так нежно, как собственную жену. Хоть я и не верю в удачу, в разумных людей я верю еще меньше, и чаще попадают такие, как этот пацан, — испуганные, бессильные. Они еще не знают, что железяка, издающая громкие звуки, ничего не изменит.